

АРСЕНИЙ ЗАСКОРУЗЛЫЙ

ПАУК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арсений Заскорузлый Паук

<https://litres.ru/74673654>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцатилетний герой остаётся один дома и решает провести вечер «по-взрослому». Но ночью на карнизе его окна появляется сосед — наркоман и алкоголик по прозвищу Паук. То, что происходит дальше, навсегда меняет жизнь героя и запускает цепь событий, которую невозможно остановить.

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Арсений Заскорузлый Паук

I

Когда мне было пятнадцать, я жил с родителями в кирпичном двенадцатиэтажном доме на последнем этаже. Мне очень нравилось смотреть из окна своей комнаты на большую дорогу, которая уводила в глубины города, подальше от тихих и неинтересных районов вроде моего. В любое время суток по этой дороге проезжали машины. Даже в самый поздний час можно было видеть одинокие грузовики, тракторы, поливочные машины коммунальных служб, такси, скорую помощь.

Родители поехали на день рождения друга семьи в его коттедж далеко за городом. Меня звали с собой, но когда я узнал о том, что там придётся остаться как минимум до полудня следующего дня, то отказался. Что мне в мои пятнадцать там делать? Пить мне не разрешат, кругом будут одни взрослые, которые вероятней всего глубоко на меня положат, будут обсуждать свои темы, а я буду как неприкаянный восседать рядом, не столько лишний, сколько просто смущающий и отвлекающий взрослых от «взрослого» времяпрепровождения. В голове сразу возникла картинка: я сучающе сижу

за столом, меня просят уйти и «чем-нибудь заняться» где-то подальше от общего сборища, чтобы не слушать похабщину. Найди себе занятие. Ага.

Пятнадцать — это самый неудобный возраст для поездок к друзьям родителей. Ты никогда не будешь своим, пока не пройдёшь определённый возрастной ценз. До тех же пор ты скорее будешь сидеть с малолетними детьми, чем со взрослыми.

Уже через несколько лет я поеду на этот коттедж и напьюсь так, что следующим утром разговоров только и будет что обо мне. Ну а пока я, всё ещё находясь перед ликом выбора, выбираю остаться дома на этот день.

Дома мне будет лучше. Хорошее здесь тоже есть. В пятнадцать ты уже достаточно взрослый, чтобы остаться дома одному. С лёгким сердцем родители отправились на праздник, оставив меня за главного в пустой квартире.

Для меня это был скорее момент радости, нежели печали. Я предоставлялся самому себе. Можно курить прямо в комнате, дым точно проветрится до их приезда. Позвал свою подругу, но она сама была уже увезена роднёй на дачу. Звал друзей, просил прибрать где-нибудь пивка, но никто так и не отозвался на мой клич. Опять придётся делать всё самому.

Настроение было паршивое. Такой день выдаётся дай бог раз в полгода, и именно сегодня все мои знакомые поисчезали. В иные моменты они только и делают что ищут суеты, а девочка не отлипает. Сейчас всё иначе. Окутала покину-

тость, но я решил исправить ситуацию, опробовав нечто новое.

Сейчас, глядя с высоты прожитых лет, мне становится смешно, но тогда, пятнадцатилетнему мне не пришло в голову ничего лучше, чем в первые попробовать провести этот день полностью на своих правах – то есть пить пиво и курить сигареты в квартире до посинения. Некого бояться, не от кого прятаться.

Я оделся и вышел на улицу, отыскал местного алкаша. Родители, конечно же оставили мне денег, на которые я должен был покупать себе еду в их отсутствие. Понятное дело они оставили больше, чем нужно ребёнку на дневное питание, как всякие родители, которые подсознательно пытаются откупиться за свои ошибки. Для них я всё ещё маленький деточка. Они не знают, что я даже рад побыть один, без них. Было даже немного совестно просить того алкаша покупать пиво на родительские деньги. Договорились по бартеру – он покупает восемь бутылок и две пачки сигарет, а две бутылки и одну пачку оставляет себе. Это было довольно щедро, так что он тут же озарившись беззубой улыбкой, заковылял в сторону магазина. Поймал себя на мысли, что совершаю «мелкое добро» в душе компенсируя прегрешение. Люди так часто обманывают себя подобным образом.

Позже я отдельно прикупил острых орешков, сушёных кальмаров и сухариков. Впервые в жизни я пировал таким образом в одиночестве.

Кто бы что ни говорил, но в этом событии действительно было нечто, внушающее чувство свободы. Сидеть и пить одному, независимо от всех, никому ни о чём не рассказывая, тихо-мирно наслаждаться безделием пятницы, делая то, что хочешь, без страха быть осуждённым и обруганным старшими.

Весь день я провёл за компьютером, играя, да выпивая одну бутылку пива за другой. Курил так, как не курил до этого никогда. Зная себя нынешнего, с уверенностью могу сказать, что тот мой развязный денёк никак не определил моего отношения к алкоголю и курению. Зато многое определил относительно иных аспектов моей жизни.

II

С нашей квартирой соседствовала жилплощадь, в которой проживал один очень занятный человек. Все, кто его знал, звали его не иначе как «Паук». Это, впрочем было вытатуировано на пальцах его правой руки. Весь он был в татуировках, голова лысая, и даже на ней были какие-то расплывшиеся синюшные наколки. На его шее был набит паук, поджав лапки, он спускался на паутине вниз. Телосложения этот тип был крайне худощавого, больше мёртвый, чем живой. На руках постоянно виднелись царапины, синяки и следы от укулов. Паук был конченным наркоманом и алкоголиком.

Подробности его внешности мне стали известными абсолютно случайно. В доме сломался лифт, и я был вынужден спускаться по лестнице, где Паук, собственно и лежал, то ли пьяный, то ли вусмерть обколотый. Помню как тогда задержался, чтобы рассмотреть. На нём была синяя выцветшая майка, плотно облегающая костлявую спину, и тёмные спортивные штаны, сплошь грязные и кое-где зияющие дырами. Я прошёл пару пролётов вниз, совсем близко миновал его бесчувственное тело, но он не пошевелился – слишком далёк от сознания. Внизу удалось рассмотреть его лицо, поскольку он лежал калачиком, уперевшись головой в металлические перилла лестницы. Лицо выражало чуть ли не саму вечность. Глаза его были приоткрыты, но никуда не смотрели, рот за-

крыт. Поначалу казалось словно его мина выражает нечто глубинное, но на деле она не выражала ровным счётом ничего. Не помню что испытал в тот момент, наверное должен был испугаться, или ощутить тревогу, но ни первого ни второго со мной не произошло. Полное равнодушие. Настолько чуждым был его мир, настолько далёким и внеземным существом казался он мне.

Часто к нему приходили его дружки, такие же падшие наркоманы как и он. Всякий раз как это случалось, непременно в его квартире происходила драка или какой-нибудь дебош, не говоря уже о том, что химический запах дряни, которую они курили, постоянно доносился через его окно прямоком в моё.

Бороться с ними было бесполезно, они не боялись ни полиции, ни тумаков, поскольку привыкли к этому и легко с этим справлялись. Полиция несколько раз забирала Паука на ночь в отдел, но он всегда возвращался через несколько дней. Помню как в очередной их приезд, на лестничную клетку вышла соседка и громко стала о чём-то причитать. За стеной почти ничего не было слышно, я смог разобрать только конец диалога, в котором полицейский сказал: «ну а чё нам с ним делать по-вашему?». Вскоре после этого они перестали приезжать на вызовы и жильцам пришлось смириться.

Нельзя сказать что он представлял явную опасность, никогда на моей памяти не случалось такого, чтобы он на ко-

го-нибудь напал и ли повредил чьё-нибудь имущество. По большей степени от него исходили только шум с вонью. Напряжение на лестничной клетке никогда полностью не проходило, но в общем и целом за многие годы к нему все привыкли. Иногда бывало такое, что на него находило нечто вроде просветления, как мне кажется, потому что в эти моменты он почти совсем не шумел, редко появлялся нетрезвым. Я даже застал его в одном из таких эпизодов адекватности – он помогал старушке выносить старую мебель. Когда я проходил мимо, он посмотрел на меня и сказал: «здравов, чувак».

Наверное в каждом доме есть тот, кто привлекает к себе внимание и часто становится предметом обсуждения подъездной общины. Район у нас всегда был спокойный, в доме помимо нашей семьи жили в основном пенсионеры, а они, как известно - самая чувствительная категория людей. Оттого постоянные жалобы, звонки в полицию и обход квартир в целях сбора подписей о переселении этого Паука в какое-нибудь спецучреждение. Всё бесполезно. Никаким органам порядка никогда не было дела ни до Паука ни до его соседей. Я полностью понимаю отчего так, но смириться с этим всё равно не могу.

В то время мне было абсолютно срать на всех, кроме себя, а Паук по большей части мне не мешал, а скорее даже наоборот - забавлял меня, когда начинал чудить. Зато я ненавидел вечно ворчащих старух. Летом, когда на две недели отключали горячую воду, от них всегда невыносимо воня-

ло потом и мочой. Когда Паук снова начинал исполнять, я в глубине души радовался, что они снова начинают испытывать дискомфорт и страх. Тем более мне всегда было интересно, чем в итоге закончится его история, к чему его приведёт такая жизнь. Ведь Паук был для всех детей лестничной клетки чем-то вроде притчи. Не будешь учиться – станешь таким же.

В тот день, когда я остался один дома и нещадно глушил пиво, Паук как раз начинал очередной свой разнос. Это всегда начиналось с химического запаха. Ясно что скоро опять будет шум и старушки напрягутся. Сам я проводил время не лучшим образом, но притом был доволен. Может Паук тоже был доволен тем, как он живёт. Может он всегда радовался тому, как проводит свои дни. Все мы думаем, вот несчастный, а он, вероятно, самый счастливый человек в этом доме. Так я себя, по крайней мере, теперь иногда успокаиваю.

Той ночью мне всё никак не спалось. На многих алкоголь действует как снотворное, на меня - наоборот. Последнюю бутылку пива я выпил часа два назад и меня уже во всю хлестало похмелье. Голова была деревянная, звонкая, полая. Сигареты мне приелись, в горле от них уже стоял ком. Зачем всё это? – подумал я тогда - в смысле жизнь, если она такая. Целый день, будучи самому себе хозяином я провёл бесцельно за дерьмовым пивом, дерьмовыми сигаретами и компьютерными играми. Целый день жизни был вот так бесцеремонно спущен в унитаз.

Из света в моей комнате остался только монитор. Глянул время – 03:00 – самый пик уличной тишины. В это время даже по самой оживлённой дороге машины проезжают не чаще чем одна в несколько минут. Сняв с головы наушники, я услышал за окном дребезжание, будто по карнизу стучал мелкий дождик. Я отодвинул штору и увидел как на ржавом угловатом карнизе удерживается нога в чёрном резиновом тапке. Я отодвинул штору ещё дальше. Это был он - Паук. Абсолютно голый, весь окроплённый кровью, струившейся сверху, с той части тела, которой я не видел из-за оконной рамы. Одной ногой он стоял на моём карнизе, другой, довольно далеко отставленной, опирался на раму своего окна. Рука его лежала на кирпичной стене фасада, пальцы были напряжены и цепко держались за небольшую щель в кладке. Вид этих жутких пальцев производил впечатление нечеловеческой натуги, казалось что скоро они вырвут этот кирпич. Тем не менее его движения были уверенными, даже ноги, столь неустойчивые, расставленные почти шпагатом, не дрожали и не колыхались на ночной прохладе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.